

Веле Штылвелд
Игорь Сокол

АВАНПОСТЫ НА МАРСЕ

Космическая фантастика

Киев

УДК 821.161
Ш948

Штылвелд Веле, Сокол Игорь

Ш948 Аванпосты на Марсе : космическая фантастика. Киев :
Издательство Лира-К, 2022. 416 с.
ISBN 978-617-520-248-7

Человечество на пороге нового великого свершения - освоения Марса. Научные сообщества, государства, корпорации, да мало ли кто, та же мафия, видят в том свои задачи и скорейшие пути их решения. Заточенные на Марс, мы верим, что эта Запасная планета ждёт своих Колумбов и Магелланов. И хотя атмосферы на Марсе нет, но сутки там соразмерны с земными, и составляют 24 часа и почти 37 минут. А вот марсианский год едва ли не в два раза более протяженный. Это ли не Знак судьбы? Первые поколения поселенцев проживут в поселениях с куполами... Но зато на Марсе сегодня нет войн. Конечно, Марс – не рай, но он воплощает надежды всё еще недоЗвездного человечества... Соавторы попытались просто подсмотреть немножко завтрашний день, о котором мечтали Александр Чижевский и Константин Циолковский, Жюль Верн и Сергей Королев, Айзек Азимов и плеяда фантастов недавнего двадцатого века. Следуя за ними, мы повторим: через тернии к звёздам!

УДК 821.161

ISBN 978-617-520-248-7

© Штылвелд В., Сокол И. 2022
© Издательство Лира-К, 2022

Марсианский гештальт

Шесть или 60 или 600 астероидов, состоящих из льдов различных газов и космической пыли, образующих грязный снег космического пространства, уносятся прямо с пояса Койпера прочь из нашей Солнечной системы в сторону почти непреодолимого облака Оорта, тогда как в противовес им, всего только один, летит вовнутрь Солнечной системы, пытаясь выйти на рваную гелиоцентрическую орбиту. При этом он то и дело идёт юзом, внезапно, резко теряя в массе, срывается в непредвиденное пике, но в своих усилиях проживает от 200 до 1000 лет!

Все эти годы он подвластен только одной мечте, и, возможно, это мечта о невероятной встрече с некими иными скитальцами, возможно, даже людьми, которые будут способны оседлать его, как мустанга, и промчаться по простору Солнечной системы с молодецкой удалью, прежде чем, превращаясь в космический холстомер, послать в сторону Млечного пути с его мириадами звезд и звездных миров последнюю кодограмму прощания, чтобы никогда уже не вспомнить, а как всё начиналось.

Кроме того, не берусь и я объяснить происхождение и природу древней искры, закручивающейся в спираль всякий раз, когда космический охотник набирает ход, возвращаясь к эпицентру своей охоты, в надежде на встречу со стаей мудро и много каркающих во вселенной белых ворон.

Первые доверительные сведения о планете Марс я получил в классе седьмом от своего, пришедшего в мой интернат, отца, в ту пору – закорюзлого рыночного садовода, штатного грузчика в овощном продмаге и столичного алкоголика. Пил тогда отец всё, что горело, но биомицин, оно же – «біле міцне» винишко в бутылочном «фаусте» в дипломатике не носил, да и самого дипломатика у него не было. Был на голове чёрный шкиперский берет с пимпочкой, и носил он с виду грязноватый, совковой серости плащ, под которым он носил зеленовато-серую рубашку в большую клеточку, почему-то ядовито-красного цвета.

– Марсианская расцветка! – гордился отец и заводил разговоры о разной марсианско-космической всячине. В общем, стал я марсианином еще при большевиках, поскольку именно так сегодня можно об этом сказать. Другой вопрос, что отцовский марсианизм был в основном научно-познавательным, а я стал исповедовать духовный марсианизм, потому что мама у меня была убежденной материалисткой, и мне претил ее пролетарский фабричный пофигизм, при котором даже расхожее вечно: «до сраки» обретало стабильно новое идиомы-

ческое звучание: – до Марса!.. Мне все до Марса, тебе все до Марса, и, простите, а вам не надо на Марс?! Туда и идите! Но, в мою детскую память марсианская инициация ворвалась в 1967 году, и я уже понимал, что на Марсе мне ещё предстоит стать лоцманом, ведущим караваны марсианских сухогрузов из пункта А в пункт Б. Но время научных человеческих изысканий распорядилось иначе...

Поиск признаков жизни на Марсе начался в девятнадцатом веке. Ранние научные работы, посвящённые поиску жизни на Марсе, отталкивались от феноменологии и были на грани фантастики, современные научные исследования сосредоточены на поиске химических следов жизни в почве и горных породах планеты, а также, поиске биосигнатур в атмосфере планеты. С 1960-х годов телескопические наблюдения дополнили запуски автоматических межпланетных станций для изучения планеты, вначале, с пролётной траектории, а затем, с орбиты искусственного спутника. С 1971 г. стабильно проводятся исследования Марса автоматическими марсианскими станциями непосредственно на поверхности, а затем марсоходами.

Первые утверждения о возможности жизни на Марсе относятся к середине XVII века, когда впервые были обнаружены и опознаны полярные шапки Марса; в конце XVIII века Уильямом Гершелем было доказано сезонное уменьшение, а затем, увеличение полярных шапок. К середине девятнадцатого века, астрономами были выявлены некоторые другие сходства планеты с Землёй, к примеру, было установлено, что продолжительность марсианских солов. Термин сол используется астрономами для определения продолжительности солнечных суток на Марсе – составляет 24 часа, 39 минут и 35,244 секунд, что почти столько же, как на Земле, наклон оси планеты схож с земным, что говорит о том, что сезоны – времена года на Марсе схожи с земными, только длятся в два раза дольше из-за большей продолжительности марсианского года. Совокупно эти наблюдения натолкнули исследователей на мысль, что светлые пятна на Марсе являются сушей, а тёмные, соответственно – водой, далее был сделан вывод о гипотетическом наличии той или иной формы жизни на планете. Одним из первых пытался научно обосновать существование жизни на Марсе астроном Этьен Леопольд Трувело в 1884 г., утверждая, что наблюдаемые им изменения пятен на Марсе могут свидетельствовать о сезонных изменениях марсианской растительности.

Русский и советский астроном Гавриил Тихов был уверен в доказанности существования на Марсе растительности синего цвета. Наличие жизни, в том числе разумной, на Марсе стало расхожей те-

мой в многочисленных литературных и кинематографических произведениях научной фантастики. Особое место в жизни интеллектуалов в конце шестидесятых годов прошлого века занимали марсианские каналы – объекты на поверхности Марса, существование которых предполагали астрономы с конца семидесятых годов девятнадцатого века до семидесятых годов прошлого века. Каналы описывались, как длинные линии, образующие сложную сеть по всей планете между 60° северной и 60° южной широт. Впервые об открытии каналов объявил итальянский астроном Джованни Скиапарелли во время великого противостояния 1877 года, после него о наблюдении каналов сообщали и другие астрономы. В семидесятых годах двадцатого века после получения снимков поверхности Марса космическими аппаратами было установлено, что большинство «каналов» являются оптической иллюзией. Хотя тонкие длинные линии наблюдали в 1862 г. Анджело Секки, У. Доус и Э. Голден. в то время не верили в существование каналов и считали их всё тем же оптическим обманом зрения.

Скиапарелли назвал обнаруженные линии итальянским словом «canali», которое обозначает любые протоки (как естественного, так и искусственного происхождения), и может переводиться на английский, как «channels», «canals» или «grooves». При переводе его работ на английский использовалось слово «canals», употребляемое в английском языке для обозначения каналов искусственного происхождения. Такой неточный перевод привёл к ряду спекулятивных сообщений о том, что Скиапарелли, якобы, заявил об открытии им искусственных сооружений на Марсе. Впрочем, сам он не делал попыток разъяснить, в каком смысле употреблял слово «canali», или опровергнуть эти сообщения, – Скиапарелли просто констатировал факт наличия на Марсе объектов, похожих на каналы. Скиапарелли нанёс на свою карту Марса около ста каналов и дал им названия: Oxus, Hiddekel, Euphrates, Ganges и т. д. В 1890 г. Он опубликовал статью, где рассуждал о разумной жизни на Марсе. Скиапарелли завершил, в связи с ухудшением зрения, исследования Марса после противостояния 1890 г. В 1895 г. Скиапарелли не исключил возможности, что марсианские каналы являются искусственными сооружениями. Наконец, в 1899 г. было произведено первое фотографическое исследование поверхности Марса.

Тем не менее, многие астрономы отрицали возможность наличия на Марсе искусственных сооружений. Хотя было составлено множество карт марсианских каналов, они не совпадали друг с другом. Однако многие известные астрономы не видели прямолинейных ка-

налов. Среди них, например, Эдвард Барнард и Эжен Антониади, который производил наблюдения Марса во время великого противостояния в 1909 г., в достаточно мощный телескоп. Эжен Антониади, подводя итоги наблюдениям в 1909-м году писал: «Гипотеза о возможном существовании геометрической сети получила окончательное опровержение, ибо самые сильные инструменты нашего времени не обнаружили и следа этой сети, между тем, как детали, гораздо более тонкие, чем прямолинейные каналы, были постоянно видны».

Ряд исследователей – в частности, Винченцо Черулли – объясняли появление каналов на Марсе оптической иллюзией. Так в 1903 г. Эдвард Маундер поставил эксперимент, в ходе которого испытываемым с достаточно большого расстояния показывали диск с беспорядочным набором пятен, вместо которых многие из них видели «каналы». Получалось так, что полосы и пятна на диске появляются из-за затмения Солнца, а «сеть» – из-за какого-то оптического явления, присутствующего только в этом месте. Оставался открытым вопрос о степени реализма этой иллюзии.

Проводились эксперименты с наблюдением тонкой проволоки на фоне диска с разных расстояний. Впрочем, сейчас известно, что на Марсе действительно есть некоторое количество протяжённых, слабо изогнутых объектов (террасы, каньоны, линейные цепочки кратеров), которые при малом разрешении напоминают прямые каналы.

В 1907 году Альфред Рассел Уоллес опубликовал книгу «Обитаем ли Марс?», в которой показал, что температура на поверхности Марса намного ниже, чем считалось ранее, а атмосферное давление слишком мало для существования воды в жидком виде. К тому же, спектральный анализ атмосферы не показал наличия в ней водяного пара. Отсюда он сделал вывод, что существование на Марсе высокоорганизованной жизни невозможно, не говоря уже о развитой цивилизации и искусственных сооружениях.

Окончательную точку в проблеме каналов поставил искусственный спутник Марса «Маринер-9», который в 1971-72 году провёл фотосъёмку 85% поверхности планеты с разрешением от 1 до 2 км (2% поверхности сфотографированы с разрешением от 100 до 300 метров). Во время съёмки был зафиксирован несколько необычный вид поверхности (на ней впервые были чётко различимы неоднородности и тёмные пятна): три широкие полосы, расположенные параллельно друг другу, делились на четыре узких. Оказалось, что каждый канал связан со своим спутниковым кольцом, возможно теневыми проекциями неких надпланетных объектов.

Американские астрономы К. Саган и П. Фокс в 1975 г. сравнили каналы Ловелла с реальными структурами рельефа, а также границами материков и морей. Только меньшая доля классических каналов связана с разломами, горными хребтами, линейными цепочками кратеров и другими реально существующими образованиями. Все каналы, которые выходили на фотографиях, связаны с такими образованиями. Большинство классических каналов оказалось оптической иллюзией.

А отец умер только в 1987 г. в приступе белой горячки, в период, за которой он потребил 17 фауст-флаконов «Лидии», после чего, самого его «к ангелам срать понесли», как высказалась его соседка, тихая кладбищенская старушка, у которой сын, он же – приятель моего отца, откинувшись из зоны, сел на цифирь и умер от передоза, столь незлобиво по нынешним временам, транквилизатора.

Так что, так совпало, что переоткрытие Марса американскими космическими аппаратами в 1971 г. не попало мне на глаза. В том году я заканчивал десятилетку и стремился поступить на истфак Киевского Державного Университета им. Т.Г. Шевченко, но не был допущен в сию альма-матер с одним непроходным баллом за «невиразну українську вимову». Марс так и не стал для меня украинским «дивом», а так и остался детским совковым чудом – выразительно и бесконечно ярким, как гуманитарное образование киевскому шейгицу в Державном универе имени Кобзаря...

В ту пору в Киеве лютовали не марсианские бури, а матерый госантисемитизм, а мой отец славянин, по сути, украинский поляк, рожденный в 1927 г., чуть не доживши до 60-ти лет, умер в следующем за черныбыльским 1987 году. О смерти своего биологического родителя я узнал едва ли не трагикомически. Выяснилось, что умер он в критическое для себя время, когда старый дом на Предславинской с довоенным лифтом забрал под себя роддом. В ту пору начальником ЖЭКа был ушлый грузин. Впрочем, мог быть и ушлый еврей, поляк, украинец, но так уж случилось. В ЖЭКе у него работала славная леди в пледе, под которым для начальника больше ничего не было, да и по жизни у нее была полупризрачная прописка. А здесь отселение и смерть целого человека, вроде бы и алкаша, но малолетнего узника фашистского концлагеря. Тело отца спешно передали в областной морг, но паспорт попал не в паспортный стол на пробивку и последующую аннигиляцию, то бишь регистрацию смерти, а в ЗАГС для заключения брака с этой грешной земной курицей. В то время сам отец был уже неземным... Но дама с перцем на его подложном браке отхватила киевскую прописку, а вместе с ней и право на полу-

чение отселенческой двухкомнатной квартиры в районе Голосеева на двоих. Только после этого зашитое тело отца с вброшенными в него несколькими обрезанными аппендиксами и иной послехирургической всячиной захоронили на пятидесятом коммунальном участке Лесного кладбища в общей братской могиле для бомжей и, как видно, всяческих инопланетян.

С тех пор всё и началось. Отец приходил несколько раз в свой мир, но там лежали только стоптанные докерские ботинки сорок последнего размера и несколько обрывков старых газет времени великого всенародного одобрямса. Не трудно догадаться, что это были центральные газеты заката брежневской эпохи, о которой у меня сохранились свои пространные воспоминания. Но речь сейчас не о них. Просто души самоубийц имеют свою собственную и весьма горькую для землян планиду, и оттого о них чего только не рассказывают.

А тут и рассказывать было особенно нечего. Киевский пацанчик с пшеничными волосами, малолетний узник медицинского концлагеря под Берлином, где промышлял врач-садист Менгель, военнотрудовой советской контрразведки во время Нюрнбергского процесса, без воинского звания, но с внешностью своего погодки сына Геринга, удерживаемого в СССР, знаток восьми немецких диалектов, польского, идиш и украинского языков, русского и французского...

Когда его тело потеряло душу и осталось лежать в самом глухом уголке самой аристократической комнатки на третьем этаже вороньей слободы на Предславинской, первое, что подумала душа Беса Коленки, кажется, освободился... Но это было ее первое и далеко не последнее посмертное заблуждение. Уж кто-кто, а она знала, что собственное сознание моего отца в момент самоубийственной смерти подвергается своеобразному психическому шоку.

Сам я разыскал сведения о смерти отца, и то крайне отрывочные и болезненные, только через полгода после его смерти. Я бы еще мог биться за его земное наследство, но меня охватило шоковое состояние, и я только пожелал посмотреть, что за курица обвенчалась с уже покойным родителем. Она оказалась бледно-волосой карлицей с пигментными пятнами по всему крестьянскому лицу цепко цепляющейся за всё земное Горгоной с каркающим говором битой провинциальной простушки. То ли Валя, то ли Рая из какого-то заштатного сарая жизни, она получила право именоваться моей фамилией, которая пристала к ней защитной личиной.

При встрече с ней я плюнул и прошел дальше. Потому что именно она направила меня из расформированного ЖЭКа в городской

загс-архив, по стандартному запросу для которого уже по моей просьбе подготовила мой персональный запрос на розыск пропавшего человека. С тех пор я много раз рассказывал многим своим знакомым эту почти, да что там – точно криминальную историю, но в её правдоподобность большинство слушателей просто отказывались верить. Вот почему с возрастом я просто перестал рассказывать эту историю снова, снова и снова... Зачем, ведь каждый раз, когда уже мне самому рассказывают её заново, я знаю, в чем дело? Особенно забавным был рассказ о будто забытом на заднем сидении машины нижнем женском белье. Та же история повторялась то с Люсей, то с Юлией, а Рая и Валя отдыхали притом в сторонке. Но история всегда была только одна – и это не мне казалось.

И с тех пор иногда ко мне стали приходиться сны о странствиях отцовой грешной души в том незримом для земных космосе, где пересеклись в очередной раз судьбы душ Беса Коленьки и Жорика (Зорика) с бездуховной сущностью нага, убившего однажды известного советского космонавта. Такого бреда не вынес бы и бессмертный профессор Преображенский, вот почему потребовались годы, чтобы весь этот сумбур хоть как-нибудь упорядочить или попросту устаканить... Мой отец, заходя в интернат не чаще, чем раз в сезон, и живя отдельно от нас с матерью, обычно работал то в «Киевзеленстрое» садовником, то грузчиком в овощном магазине, пил казенку, много и беспробудно, и читал взалхлеб журналы «Наука и Техника», «Садовод-любитель» и «Техника молодежи». К этому набору периодики он добавлял фантастику НФ-шестидесятников и Станислава Лема, конкретно его повесть «Возвращение со звёзд». Сам отец, после фашистского концлагеря для малолетних узников под Берлином и садистской лаборатории доктора Менгеля, так и не вернулся со звёзд. Но тут дело такое, сын и НФ стали связующими его алкоголической амнезии с некой гипертрофированной реальностью, в которой он все чаще встречался с двенадцатидюймовыми по росту, зелёными, позже серыми человечками.

Причём, он всегда их понимал, и они вели себя с ним вежливо, потому что в наше время уважают сильных. Даже в почти не сопредельных с нами мирах. Мой отец, как никто, принимал на себя особую миссию: необходимость вещать голосом низшего звена для высшего Разума зеленых. Серыми они становились только тогда, когда их округло правильные лица плющило до ржаво-балонных, готовых взорваться и разнести его реальность к чёртовой бабушке. Впрочем, со временем, словно в бреду, он стал проводить с ними много времени, как с неким стабильным экипажем, и в этом экипаже было всего 8 особей, и все

они любили кататься, скатываясь с отцовских коленей, и, чебурахтываясь, пытаться его понять. Он не предъявлял к ним претензий, но иногда смешливо спрашивал, зачем они обсели его, на что они только весело улыбались, но всячески опекали – то от попадания в пьяном шатании под колесный городской транспорт, то просто закрывали перед его носом всякие бесполезные двери в окрестные инореальности. Так что, выбора у него особо не оставалось. Из всех Дверей перед ним открытой оставалась одна, и она вела его непременно на Марс. За свою многолетнюю жизнь отказаться от неё он так и не смог, но, выходя на Марс, был убежден, что закрыть её способен только по собственной воле. Но когда всё внутреннее пространство уже переполнилось марсианскими слотами, закрыть её у него не хватило сил.

Впрочем, обычно находился он на Марсе у самого экватора в почти весенний полдень, принаряжен в какие-то нелепейшие доспехи, в неких почти детских помочах, за которые его дергал экипаж нелюдей каждые 15 минут, говоря только одно единственное восклицание: – Лю!..

Это «Лю» означало всегда одно и то же – жми кнопку радиационной защиты, идёт выброс солнечной радиации... Так что – Лю, Лю, Лю и Лю, и его опять выбрасывало на Землю. Но и времени в четыре очередных Лю хватало, чтобы побродить, правда, по одному и тому же марсианскому маршруту, и чтобы успеть налюбоваться и насмотреться на ядовито- синие рассветы и хмуро-фиолетовые закаты. И тогда он понимал, что именно сюда его душу заберёт полюбивший его экипаж после его земной человеческой смерти. Конечно, лучше было бы, если смерть была быстрой, но и долголетие не доставляло бы особых хлопот, если бы не надо было каждый день совершать большие героические поступки по преодолении в себе сдавливающих колец земного планетарного страха малолетнего узника фашистского концлагеря под Берлином. Но даже на Марсе его терренкур словно бы был продлением разбомбленной советской и союзнической авиацией некогда прекрасной Унтер ден Линден. Вот только лип на омертвелом однажды Марсе больше не наблюдалось...

Интернат, отец, Марс... Мир очень далёкий от Земли и её давнишних проблем. Потребовался неумный Илон Маск, чтобы упрочнить это в наших головах. Мы же и не ведали, что можно много и разное говорить о Марсе, так и не слетав на этот самый обетованный мечтами Марс.

В моем киевском детстве был пионерский лагерь для районного и городского актива на Трухановом острове. Выше по течению Днепра лежал ныне облюбованный олигархами Жуков остров, но это остров всеукраинской воровской элиты, и о нём говорить не будем. А вот

Труханов остров был летним раем для интернатовского мальчонки, который, к тому же, в Московском районе украинской столицы был членом районного пионерского штаба от своего интерната. Так что пять лет я провёл в этой днепровской здравнице, о которой сегодня в национально-проплющенном Киеве уже точно и памяти нет. А как же... Юный ленинец в нынешней националистической бухте-барахте сегодня точно уже не конает. Но как же там было хорошо в обыкновенной спальной палатке, натянутой на деревянный остов. Такая палатка была на восемь человек, и таких палаток было девять рядов. В каждом – по восемь палаток, за которыми была сходящаяся со всех палаточных рядов общая дорожка в огромный лагерный нужник, за которым начиналась зона, правильно угадали, «маршиков».

Тридцати-пятидесятилетние вуйаристы забредали в зону пионерского детства страшать всячески пацанок и пацанву своими голыми гениталиями. Обычно, после первых же девичьих переполохов и вскрикиваний, их ловили засевшие в кустах физруки, плавруки и участковый. Участковый не поспешал и вуйаристы вылетали на пустынный противоположный берег острова слегка окровавленными отбитыми профитролями. На том их марсианское прикрытие и заканчивалось. Иногда – на сезон, иногда – насовсем.

– Лю, лю, лю, лю – обычно мычал крепко повзрослевший Бес Коленька в воскресном отходняке, покупая где-то на рынке неведомо мне откуда взявшегося гуся, из шейки которого польская бабка готовила мне клецек, зашивая в гусачью шейку или гузку смесь из муки и сливочного масла. Затем эта шейка варилась и подавалась мне, тогда как всю остальную часть гусака – от гузки до крылышек съедал сам отец, объясняя, что в фашистском концлагере он с 12 до почти 16 лет голодал.

И этот голод... О, этот голод. Он громко и грязно сморкался в огромный клетчатый платок, но передо мною не пил. Негоже при сыне-то напиваться. Мы говорили об артефактах, хранилища которых он знал, ведал наперечёт по неким тайным координатам, которые начинались в последовательности цифр 0 1 2 4 8 64 128 256 512 1024... Это была великая тайна ныне школьного двоичного кода.

Дальше на него наступал бред, и он раз за разом, с выходного в выходной, рвал на себе зелёную клетчатую рубаху, майку, пузырился и принимался читать что-нибудь из О' Генри, сипло харкаясь и рыдая над своим несусветным прошлым поверженного человека. Я пытался заговаривать о его приятельстве с экипажем, но он резко отвечивал, чуть не бранно, всякий раз: то на польском, то на немецком, то на французском, мол, тебя это не касается. Но однажды,

я увидел, как он разговаривал с ними, осязал пальцами, здороваясь и лаская по маленьким головкам, и, указывая на меня, говорил: – Это – мой сын... лю, лю, лю, лю...

На своих марсианских прогулках, обычно на земле, он спал. Под ногами был серовато-красный песок. И он пытался в нём копаться, надеясь выкопать некий особый марсианский корешок на земную рассаду. Узловатые пальцы вгрызались в старый кожаный довоенный диван, и я даже физически ощущал, как он ищет их – корешки в некоем инопланетном гумусе, а находит только песок, песок и, снова, песок – серый, чёрный, красный, пока не начинает звучать страшная команда – Лю! – солнечная радиация! И его проводники вновь погружают самого Беса Коленьку в какой-то надочувливый странный скафандр... С возрастом я молча ушёл в себя. И с тех пор сам себе я задал неразрешимый сакральный вопрос – что мне делать с этим Марсом?

Чтобы что-то решить для себя, я стал пропадать в астрале, медитируя на элементах света, в надежде пройти в чередё моих чувств в состояние мудрости, столь желанное и близкое моему сердцу, пока не пришёл к неожиданным выводам... Но возвратился к повзрослевшему Бесу Коленьке... В скафандре на него обычно смотрели его собственные лица: от младенческого – до концлагерного, от концлагерного – до керченского капитанского, от капитанского – до босяцкого, от босяцкого – до лика ополоумевшего биндюжника со стокилограммовой бочкой солений у себя на широком заплечье. Он ставил бочку, куда указывала усатая продавщица, и, выдыхая, уже только по привычке, сам себе говорил: – Лю. Как и положено столь особенному челу, он умер от суицида, купив 17 флаконов «Лидии», и, выпив их запойно и страшно, представился, а к утру за ним из морга уже пришли санитары и «к ангелам срать понесли» на старой полосатой простыне из его довоенного детства. Однако самоубийца планета Земля никогда и никуда более не отпускает. Правда, был ещё, как фактор, не материальный в земных условиях лю-экипаж, но о его роли в мире материальном я бы не стал говорить. Что до высосанного с алкоголем образа моего родителя, то всем художественным зловедам и оппонентам хорошо известно, что самое ценное в жизни, как и в картине – фактура. И в этом смысле Бес Коленька был весьма выразительным.

Вот тогда душа Беса Коленьки, прощенная и отпущенная Землей, и перебралась на Марс. Ведь, возможно, его всё же убили, подпоив не на шару... Ведь отец обычно покупал себе выпивку сам! Одним словом, душу спешным образом отгрузили на Марс, словно под заказ духовного галактического коллектора. Там она и встретилась с давно

знакомой восьмёркой чувачков, которых при жизни он называл своим экипажем, своим морским экипажем каботажной шхуны, которая однажды попала в невероятный шторм между Лиссом и Зурбаганом, и выжил он только один... И с тех пор у них с командой сложились чисто товарищеские отношения. Как и у всех морских экипажей. И у Беса Коленьки тоже. Все они так радовались своему пребыванию на этом грешном свете, что начали кидаться друг другу в объятия, а заодно Бес Коленька, позвав старых приятелей в гости, решил показать им свой собственный Марс... Они бы и поныне бродили по Марсу, пьянея от счастья вечного общения душ, не случись в эпоху Илона Маска нечто следующее. Хотите знать что? Держите карман пошире, так я вам впрямь и скажу сразу без подготовки... А не в жисть! Самому же мне время перейти на несколько «Му» на планету Муэта, на которой каждое Му – это, как Лю, но на диалекте обворожительных муэтянок, он там действительно чуть-чуть иной...

Так что: – Му, Му, Му и ещё одно Му. – С тем и проехали...

Бродить по Марсу – паранойя... Когда пил, помнил, что флаконов «Лидии» было семнадцать... В квартиру заглядывала кладбищенская старушка Машенька. Умоляла отдать бутылочки на сдачу, на хлебушко... Не бить об стену, а паче, не запускать в нее старенькую...

– В голову, Николушка, всё равно не поцелишь, а бутылочку жалко. Завтра бы и сдала...

– Не будет завтра, старица, не будет, Маркеловна...

– Я, Коленька, давно уже не Маркеловна. Я – просто благая Машенька – бляяла кладбищенская старуха, напрягая и раздражая организм предстоящей ночи. Вечер жизни был пройден. Экипаж вокруг отца бродил странными сжимающимися кругами, он ощутил последний острый желудочный спазм, и желудок прорвал кровавым калом и болью. Он устал жить... Он уходил... За ним по пятам спешили повеситься его кармические враги – в нечистых телах кончились силы... Колеса смерти смазывали рессорную дорожку... Вот и все... И понеслись последние воскресные дрожжи прямиком и точно на Марс... Он уходил на сей раз уже навсегда... Он впервые увидел их корабль. Всю его жизнь он заставлял себя не замечать зловонное пятно на месте недавно сгоревшей жуткой эпохи. Сейчас она догорала в радиоактивных золях Чернобыля.

Экипаж корабля рассыпался, чтобы через несколько секунд собраться вновь и отплыть... по маршруту, на котором его никто не ждет, не тревожит... Он стал легок, воздушен и чист. Напоследок его вывернуло наружу вином, калом и кровью... Он уходил... Непостижимый

новый горизонт возникал на месте недавней тьмы. И он видел его отчетливо и ясно – он уходил навсегда. После всего – так и не поставленный к стенке!.. Одиноким морской волк и марсианский скиталец. Его словно несколько раз ударили фашистским прикладом. Вяло и удивленно он взглянул на склоненные над ним головы экипажа и поднял руку в салюте... Его душу серые вынесли на руках.

Меня рядом с ним не было. Его давно корчило и било в последних земных конвульсиях, и он столь же давно отпустил меня, своего единственного земного отпрыска и только успел спросить растеряно экипаж: – А теперь, теперь же что? Я же – не Мартин Иден... Я же даже не «а идеен» – единственный на планете еврей... И не иден Зорик, погибший от инъекции доктора Смерть в берлинском концлагере в 1943 г.

У Зорика накануне лагерным капо были выбиты зубы, и оттого, он отчаянно шепелявил...

– Я – Жорик, а идише кинд, – извиняющимся тоном говорил он Бесу. Бесом был мой отец... Жорика я не знал. Но именно ему концлагерный Бес пообещал, что женится на еврейке... И назовет сына Жориком...

Если у него мать будет «а идише», то и он будет а иден... Но Жорику больше ничего знать было не надо... Жорик уже свое отстрадал. Сегодня гауптман дал Жорику конфетку. А конфетку гауптман дает только однажды перед последним уколом, а потом, уже отпускает. И теперь все будут наблюдать, в каких страшных муках умирает Зорик, ставший Жориком поневоле. Интересно, а на Марсе Жорики тоже будут страдать? И будут ли немцы на его собственном Марсе?

– Немцев я на Марс не пущу, – пообещал Жорику Бес и не отошел от Зорика последующие несколько предсмертных страшных часов. В какой-то момент к нему подошел сам гауптман и выдал Бесу санитарную повязку последнего друга. Это была повязка лагерного мужества. Эту повязку одевали на себя в бараке умирающих от инъекций доктора Менгеля иденов очень немногие.

Наверное, и а иден Жорик бродил теперь где-то по Марсу со своим экипажем, но пересечения у Беса с Жориком на Красной планете с синими рассветами и лиловыми закатами не было...

Кладбищенская старушка окликнула внучку-семиклассницу:

– Пойди, осмотришь по комнатам, сосед Николушка умер. Бери книги. Они имеют цену. Ищи шкатулки, ищи всё, что может иметь цену, он говорил, что в их роду были солдаты из армии Наполеона. Они ведь, поляки...

Могло быть и такое, мол, ещё, внуча, поищи знаки масонского отличия – подвески и ордена... Да, надо ещё забрать телевизор и холодильник

ник, и всё притрусить строительной пылью. Дом, всё равно, забирают на капремонт... – Кладбищенская Маркеловна суежилась снорово... Через 18 часов приехали санитары и скрюченное тело, прежде отчаянно физически сильного отца, к ангелам срать унесли... Полет прошёл едва ли не за мгновение. Душу словно выстрелило в пространство, и она полетела в особом эскорте, уже обретших себя марсиан в точно не немецкую зону Марса, где было только вечное шуршание красных, серых, черных и даже чуть оранжевых дюн, под которыми миллионы лет хранились некие прошлые марсианские беды-нерадости. И всё бы ничего... И жила б на Марсе душа Беса Никулушки вечность, не будь там бесконечных проверок на самоидентификацию, в том числе, и на марсианскую принадлежность, которую проходили, увы, и точно, немногие... Бес Коленка в очередной раз уже её не прошёл. Когда пришли с всякими лучевыми фильтрами, и начали просвечивать душу, то оказалось, что она однажды поземному окаменев, так и не размякла даже после физической смерти тела. Потому что сбросила телесную плоть принудительно, до времени, к тому же, столь бестолково, что притом вывернул Бес-Коленка свою душу наружу.

Сначала пробовали отдать душу всяческим реконструкторам, чтоб те, хоть как-то смогли привести её в марсианское штатное соответствие, но, видно, душа помнила столько страшного, что, даже на пустынном Марсе, никакой вечный покой ей не светил, и тогда был вынесен этой душе вердикт не въездной, и стал вопрос об её экстрадиции в земную ноосферу горькой человеческой памяти, где отныне ей и надлежало пребывать вечно. Но случись всё именно так, блаженко и привычно, не было бы никакого последующего повествования, вся суть которого и состоит в том, что оно было. И что это «было», я вам вскоре поведаю...

Только однажды душа Беса Коленки попросила у марсианских смотрящих за чистотой полного упокою тамошних некро колумбариев душ хотя бы кратковременной встречи с Жориком. Но Зорик Вайсман заказал для себя вечный успокоительный сон с перерывом на звездную медитацию только через несколько тысяч лет.

- А количество этих тысяч лет была им оговорена?
- Нет, с тысячами лет ваш приятель был особо небрежен.
- Узнаю Жорика, но всё-таки, мне хотя бы прикоснуться ментально к частице его души...
- Ну, разве что... Только, пожалуйста, очень осторожно и трепетно.

Бес Коленка в своем ментальном обличи именно так и сделал, и тут же чуткая душа Жорика вздрогнула и потянулась к Никулушке обниматься.